

нул глубоко, будто собирался нырнуть, и вдруг заорал, что было мочи: – Пшёл во-о-он!

Мишка пулей вылетел из избы.

Утром, насыпая зерно курам, Ларька невольно засмотрелся на петуха. Хозяин курятника порылся в подмёрзлой земле, откопал клювом камешек и, закинув голову назад, проглотил его – прочистил горло. Надменно глянул в сторону хозяина и гордо прошёлся по курятнику. Потом вдруг взметнулся, вскочил на насест и, демонстрируя своё превосходство, начал быстро-быстро махать крыльями – так, что несколько кур слетели вниз.

Ларька усмехнулся: поди разберись, что такое любовь.

В тот же день он пошёл к уставщику в молельню: с некоторых пор Федот Савельевич жил здесь, чтобы не мешать старшему сыну Семёну, семья которого быстро разрасталась.

У ворот молельни Федот Савельевич отгребал деревянной лопатой выпавший ночью снег. Гости он увидел издали: у Ларьки шаг широкий, крепкий, уверенный – с пути не собьёшь. Несмотря на мороз, шапку снял загодя.

– Дело какое? – поинтересовался уставщик, а сам подумал: «Ничо, правильный малый растёт, но всё равно, мало его дед Иван порол».

– Да так, мимо шёл... Давеча на могилах был да про вашего батюшку вспомнил, отца Савелия. Он же тоже уставщиком был?

– Был, – буркнул Федот.

– Совсем не помню яво. И могилку не нашёл.

– Проходи. Да валенки от снега обмети, – командовал хозяин, подавая веник. И добавил: – Я тебя ждал.

– Почему ждал, дядя Федот? – спросил Ларька на крыльце, веником обметая с валенок снег.

– Вопросов много у меня к тебе, паря. Да и у тебя найдутся, не так ли? – уставщик задержал на госте испытывающий взгляд.

– Напоминаете, что прозорливы?

– Зачем мне перед смертью такой грех на себя брать? Я в дорогу собираюсь вечную, каждое слово взвешиваю.

Прошли в молельню. Она состояла из трёх комнат. Слева от входной двери находилась пристройка с нарами – там отпевали покойников. Первая комната была проходная, с киотом в углу. Во второй комнате проходили богослужения – её Ларька хорошо изучил. Здесь были два аналоя, большой стол, по периметру – полки с деревянными иконами в серебряных окладах и литыми иконами без окладов. Стояли корзины со свечками и поминальницами.

В третью комнату Ларька никогда не заглядывал, но знал, что там находятся две печи, обогревающие весь молельный дом. Сюда пригласил его сейчас Федот. Тут он работал над книгами и отдыхал на печи между долгими праздничными службами. На полках стояли восковые свечи в подсвечниках и богослужебные книги: два Евангелия, псалтырь, часослов, три певчих писания.

Помолились, сели к столу, на котором рядом лежали божественные книги.

– Собираетесь уходить, Федот Савельевич, вслед за моим дедом? На кого ж оставите нас, непотребных? Кто после вас устав Чебуниных держать будет?

– Не бязи впряд оглобли. Уйду – узнаешь но-

вого уставщика. Окромя Чебуниных есть другие беспоповцы. Ты за себя в ответе перед Богом. Времена тяжкие грядут, нужно быть готовым к гадостной встрече с антихристом.

– Как же я должен готовиться к гадостной встрече?

– Сдаёцца мне, хил ты духом, хотя и силён телом. Антихрист давно пришёл на землю и на Русь тож, но ликование его не началось, покуда мы своим уставом старую веру держим. Таково нам задание Богом дадено: держаться из последних сил. Вот ты поспрошал меня, где могила моего тяти. Так я тебе скажу, а ты слухай и не перебивай. А то, вишь, даже не знашь про Савелия Чебунина.

Дядя Федот начал рассказ о былых временах, как полвека назад активисты-священники принялись искоренять раскольников в Сибири.

Был такой отец Варлаам: недюжинную свою энергию обратил против семейских. Его поддерживал другой архипастырь – преосвященный Нил.

Мудрым и хитрым оказался отец Варлаам. Отправился он в путешествие по всем старообрядческим селениям и начал с людьми разговоры вести: мол, чего верующий человек жаждет больше всего? Конечно же, причащения Святых Таинств – поддерживать и укрепить дух, чтобы обрести опору в делах суетных, не упасть в придорожную колею, когда житейская непогода расхлябает земной путь.

Какому ж православному не хочется иметь такую поддержку? Отец Варлаам дальше разговоров пошёл: колеблющимся семейским предложил принять законного священника, который будет отправлять богослужение по старопечатным книгам. И поддались некоторые. Около пяти тысяч раскольников переметнулись в новую церковь.

Вскоре к попу Варлааму примкнул ещё один активный помощник – отец Иоанн Иров.

Преосвященный Нил тоже не дремал: испросил у Святейшего Синода денег на постройку единой верческой церкви и получил средства, поставил Нижнеларымский храм Покрова Богородицы. Специально для забайкальских старообрядцев в новую церковь поступили из России старопечатные церковные книги, требник, служебник и даже антиминс древнего освящения – подарок от архиепископа Вологодского. Сам митрополит Филарет поучаствовал в устройении церкви для старообрядцев: прислал древние священные сосуды.

Чего ж ещё? Радуйтесь, православные!

Так нет же!

– Наши тарбагатайцы стояли на своём. – Федот Савельевич умильно поглаживал бороду. – И тятя мой, уставщик Савелий, призывал людей одуматься. Он со своим дружкой Никитой, сыном уставщика Андрея Заиграева, надумал дерзость супротив власти. Оба они составили жалобу. Да кому! Самому министру иностранных дел. Жалобились: невозможно жить, единоверцы давят на свободную совесть старообрядцев.

Ларька слушал, затаив дыхание.

– Что же с ними приключилось? – прервал уставщика.

– Погоди, быстрога... Церковь в Тарбагатае, как сам видишь, поставили – в честь святителя Николая. Жива ишшо, ты знаешь, старая сибирская церковка, Зосимо-Савватиева, но дряхленька – неча

об ней говорить. А старообрядческая часовня Хфедотовых без священника стоит. Наш прадед Иван тоже когда-то ставил часовню на свои кровные денежки, тока другие были времена – снесли её. Жалобщики получили отпор: негоже агнцу бодать быка.

Дядя Федот смолк, но Ларион понимал: рассказ не окончен. Что значит: получили отпор?

– Из Синода пришёл строжайший указ: прошение упёртых тарбагатайцев признать незаконным, виновных зачинщиков наказать. А виновные кто? Которы писали жалобу: Никита Заиграев да Савелий Чебунин.

– Неужто убили за веру?

– Сослали в Охотск.

– Была ли потом весточка от них? – Ларька впервые глядел на уставщика с сочувствием.

– Если бы! – сокрушённо вздохнул Федот Савельевич. – Представь, паря, как сохнет моя душа. Не знамо, как молиться за тятю – умершего или живого?

– Ну, дядя Федот! Вам сколь? Девяносто?

– Поболе...

– А тятю вашему – ещё полстолько? – Ларька повеселел, чуть ли не рассмеялся над уставщиком. Тот глянул на него строго и продолжил рассказ.

– Бяда не только в том, что тятю сослали. Нашлись тогда нестойкие, обрадовались устройению церкви да примкнули к новой вере. Священником в Тарбагатай прибыл Василий Знаменский – вот уж он усердствовал! Браки наши объявил ложными, мужей – грязными греховодниками, жён заклеил позором, называл распутницами. Вот и матушка твоя... – Федот Савельевич осёкся.

– Что матушка? – встрепенулся парень.

Уставщик замялся.

– Василий попытался разлучить её с Ионой... Вышел у твоих родителей раздор большой. Да что об этом щас говорить? Царствие Небесное Хфене. – Он сокрушённо махнул рукой. – Потом, слава тебе, Господи, власть одумалась и порешила не вмешиваться в дела семейские и не выступать супротив старообрядческих треб. А мы, стало быть, держим веру, как Бог велел.

– Откель вам, дядя Федот, ведомо то, что Бог велел? – Ларька сдвинул на переносице рыжие брови.

– Всё в книгах сказано. Любую, что на столе, открою и прочту. Вот Стефан Зизаний. Энту книгу наши предки из Польши вывезли. Читаю тебе, остолопу: «Сумма всех знаков антихристовых тот есть разум, хто мает, нехай зрахуе личбу зверя, а бо вем личба человека и личба его есть 666... еще и третияго смока указывает, мовячи, и видеде мы из уст смоковых, из уст «зверя».

– На каком языке она писана?

– На польском.

– Неужто мы поляки?

– Самые что ни есть русские. Толковать тебе не буду – есть дела важнее. Жаль, сути ты не понял. Запомни хотя бы одно: уста зверя – уста смоковые, сладкие. Много обещаний будут изрыгать уста антихристовы, а ты не слухай, затыкай уши. Слухай одно лишь сердце – в ём правда.

– Сердце мне, дядя Федот, одно и то же нашептывает: бери Дарью и уезжай из слободы! Что вы мне скажете?

– А то скажу, Илларион: не гони горячку, не попукай время. Бог сам подскажет, где лежит твоё, а где – чужое.

Дядька Федот книжку закрыл, от себя отодвинул – дал понять, что разговор окончен. Но Ларьку волновал ещё один вопрос, который он никак не решился задать. Давешний ночной разговор с отцом задел его за живое: коли на том свете нет ничего хорошего, стоит ли стараться? Как бы спросить уставщика, чтобы он не догадался, откуда у этого вопроса ноги растут.

– Вот вы, дядя Федот, сказали: уста зверя – уста смоковые. Так и я признаться хочу. Сумления меня мучат. Есть ли на том свете счастье?

Уставщик долго смотрел на парня. Потом взял со стола свою лупу и приблизил к Ларькиному глазу, будто хотел разглядеть в его лице то, что человеческому глазу не видно.

– Гляжу я на тебя, паря, и диву дивлюсь: откель у тебя такой хилый дух? Может, ты не Чебунин вовсе, не внук Ивана? Надо же такое придумать... Щастье! Где ты яво видывал? Вода в бредне – вот што тако щастье!

– Хотите ругать – ругайте, а ответ дайте. Уставщик должен все непонятки разъяснять. Счастье я не видывал, оттого и сумлеваюсь.

Лицо уставщика смягчилось. Сквозь бороду просвечивалась лёгкая улыбка.

– Вот что я скажу, Ларион. Враг душевный тебя мучит. Большие силы нужны, чтобы супротив него стоять. Сила така есть: Слово Божие. Не бойся мук адовых. Даже греха не бойся! Страх вниз тянет, в преисподнюю. А вверх что помогает идтить? – в ожидании ответа Федот сделал паузу.

– Мечта о рае, небось... Дедка мне часто о рае рассказывал. Предупреждал, что осквернившегося путь в райские кущи заказан.

– Заплутал ты, в трёх соснах запутался. – Уставщик сокрушённо покачал головой. – Вот скажи, что тебя окрыляет? Что заставляет на заимке горбатиться?

– Ну, дык... Эта... Любовь. – Ларька покраснел.

– Вот именно. Любишь ты девицу – хорошее дело. Но любишь ли с такою же силой Христа? Молчишь, паря... Потому что сказать нечего. Бог хочет, чтобы мы шли к нему как к Отцу. Жить надо честно, однако ж не из страха и не из желания получить дары царственные, а из любви к Богу и стремления соединиться с Ним душой и сердцем. Вот тогда обретёшь радость в земной жизни, а сладость – в Царствии Небесном.

– Красивые слова говорите, дядя Федот, да только себе противоречите.

– Как это? – Уставщик аж подпрыгнул на стуле, выпала маленькая скамеечка из-под его ног.

– А так. Говорите, главное – любовь к Христу, да? А пошто наш дом стороной обходят? Отец осквернился? Или я, к примеру, попаду в неловкую ситуацию. Меня тоже община отвергнет? А кто мне в душу заглядывал? Может, я, Федот Савельевич, пуще вас Христа люблю? Он ли меня отвергнет?

Уставщик заёрзал на стуле, попытался носками подтолкнуть под ноги упавшую скамейку. Наконец-то получилось обрести для ступней опору, и он сказал миролюбиво:

– Ты, Ларион, ступай ужо домой. Хватит на сёння разговоров.